

УДК 39 (4/9)

Кыргызский каганат, первые его правители и их деятельность

Бутанаев Виктор Яковлевич

доктор исторических наук, профессор Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 655000, Республика Хакассия, Абакан, ул. Ленина, 90. E-mail: mns@gasu.ru

Модоров Николай Семенович

доктор исторических наук, профессор, заведующий научной лабораторией по комплексному изучению истории и культуры коренных народов Южной Сибири, Западной Монголии и сопредельных регионов Горно-Алтайского государственного университета. 649000 Российская Федерация, г. Горно-Алтайск, ул. Ленина, 1. E-mail: mns@gasu.ru

Аннотация. Вопросы о Кыргызском каганате и его роли в истории Центральной Азии до сих пор остаются дискуссионными. В данной статье авторы впервые рассматривают реальных политических деятелей в истории Кыргызского государства времен «великодержавия» и их неоценимые заслуги. Авторы раскрывают малоизвестные источники, благодаря которым появляются имя выдающего полководца Тириг-бега и фольклорного героя Хан-Солагая, отождествляемого с прототипом, зафиксированного в китайских летописях как Чжуву Хэсо. Благодаря великим личностям, рожденным в кыргызском обществе, Кыргызский каганат становится мощной державой, сумевшей расширить свои владения вплоть до Тянь-Шаня.

Ключевые слова: кыргызы; уйгуры; курыканы; азы; Кыргызский каганат; Когменские горы; Барс-бег; Тириг-бег; Ажо; Бойла Кутлуг Ярган; Чжуву Хэсо (хан Солагай).

Период, вобравший в себя IX-X вв., как ни раз подчеркивали исследователи, занимает особое место в истории енисейских кыргызов. Так, известный российский востоковед, академик В.В. Бартольд справедливо называл данную эпоху временем «кыргызского великодержавия» в Великой Степи. И это, без преувеличения, действительно был звездный час кыргызской истории. В результате ряда победоносных войн, кыргызы смогли тогда подчинить себе не только курыканов Прибайкалья, но и разгромить своих «южных врагов» – уйгуров, а также захватить племена басмылов, обитавших на западе (в Приобье) и создать, таким образом, могущественную кочевую державу – «Кыргызский каганат». Кыргызское величие, мощь, мудрость и выдающиеся таланты их правителей, без преувеличения, потрясли страны Азии, а их «слава, признавал даже китайский император достигла «аж Северных ворот его столицы]» (Ocherki 2008, S. 625).

Границы же кыргызских владений, по свидетельству исследователей, вышли тогда за пределы Енисея и расширились от Ангары – на северо-востоке и до пустыни Гоби – на юге, от Тянь-Шаня – на юго-западе и до Большого Хингана на востоке. Словом, эпоха «кыргызского великодержавия» стала, по общему признанию востоковедов, временем наивысших успехов кыргызского государства в военном деле, культурном строительстве, и во внешней политике. Кыргызские каганы смогли объединить тогда под своей властью многие тюркоязычные народы Центрально-Азиатского региона и установить дружественные и равноправные отношения с китайской империей Тан. События того времени не только рассеяли уйгуров по необъятным азиатским степным просторам (от Забайкалья до Восточного Туркестана, но (что самое главное) они открыли путь кыргызам на Тянь-Шань.

Одной из форм борьбы за свое независимое положение стало принятие их правителями титула «каган», обозначившего их претензию на формальное равенство с тюркским или уйгурским каганом, а также их стремление к гегемонии над южно-сибирскими народами. Таким титулом величались тогда, как известно,

только стоявшие во главе иерархии высшие правители древнетюркского общества, создавшие свои кочевые империи в Центральной Азии. В конце VII – начале VIII вв. кыргызские правители стали именовать себя «каганами». Это сразу же породило войны меж ними, тюрками и уйгурами, которых «возмутило самовозвышение «невысокородных соседей».

Первым кыргызским каганом, согласно источникам стал, Барс-бег. Его право именоваться, так вынужден был признать, (в силу обстоятельств), даже тюркский каган Капаган. Свое признание он подкрепил отдачей дочери кагана Кутлуга Эльтереса в жены Барс-бегу (Malov 1951, S. 38). По мнению С.Е. Малова, это могло произойти только в 693 году, т.е., вскоре после смерти Кутлуга Эльтереса и «северной неудачи самого Капагана» (его поход на север завершился, как известно, «неудачей»). Воспользовавшись ею, Кыргызское государство и «уравнялось» в правах с Тюркским каганатом, в силу чего, его правитель и вынужден был признать кыргызское государство «равным тюркскому». В силу сих обстоятельств, правящие роды этих государств заключили меж собою мир, который был скреплен и династическим браком. Можно предположить, что именно эти события и легли в основу отсчета времени начала правления Барс-бега, сделав его, таким образом, первым Кыргызским каганом.

По свидетельству источников, Барс-бег проводил весьма активную внешнюю политику. К примеру, в 707, 709 и 711 гг. кыргызские посольства посещали империю Тан, а также Тибетского хана. В эти же годы, тюрки, согласно источникам, вели войну с Китайской империей. Кыргызы же, как явствуют документы, были в то же время и в числе ее союзников (и это несмотря на их родственные узы с правящим родом Ашина – Авт.). Парируя возникавшие к ним «претензии», тюркские правители утверждали: «Каган народа табгач был нашим врагом, был таковым и каган народа «десяти стрел» – т.е. (тюркшей – Авт.). Но наибольшим нашим врагом стал кыргызский каган. Определившись в этом вопросе, эти три кагана - союзника, приняли решение: «идти (походом на Алтунскую чернь» против общего врага. Приняв такое решение, они... заявили: «отправимся мы в поход на восток против тюркского кагана. Если мы не пойдем на него, то он уничтожит нас. Это их убеждение, как явствует из документа, базировалось на том, что каган тюркского народа – «герой» и (самое главное), что – у него есть очень мудрый советник и если не убить, его то он, может стать «победителем» (букв. «нашим убийцей» – Авт.). «Втроем же, (т.е., объединившись – Авт.) мы можем уничтожить его». (Malov 1951, S. 66-67). В этой антитюркской коалиции наибольшую опасность для тюрков представляли, естественно, усилившиеся кыргызы. Именно по их землям и было решено нанести превентивный удар. Зимой 710-711 г. тюрки осуществили внезапный поход на кыргызов. Возглавляли войска «налетчиков» великие полководцы – Тоньюкук и принцы из правящего рода Ашина - Кюль-тегин и Шад Могилян. Замыслив свой поход, Тоньюкук осуществил важный стратегический маневр: он повел свое войско не по долине Енисея, как ожидали кыргызы, а через заснеженный Саянский хребет – (по долине реки Аны (современная р. Она, правый приток Абакана – Авт.). Благодаря этому маневру, тюркскому войску удалось внезапно напасть (ночью) на отдыхавших кыргызов – Авт.). В том сражении – «в черни Сунга» и погиб кыргызский каган Барс-бег (шурин Кюль-тегина и Могиляна – Авт.), которому, по свидетельству С.Е. Малова, было около 40 лет. После гибели Барс-бега, свидетельствует источник, «его народ стал «рабами и пришел в упадок» (Malov 1951, S. 39).

Среди письменных памятников, повествующих о тех событиях, наибольшей интерес для нас (в плане вышесказанного) представляют «две стелы»,

найденные в 1878 г. в районе озера Алтын-кель (ныне это территория Бейского района Хакасии – Авт.), которые хранятся в настоящее время в Минусинском краеведческом музее имени Н.М. Мартянова. Их текст сообщает, что герой эпитафии происходил из ханского рода и пал он в неравном бою «в золотой черни Сонга», сражаясь с многочисленными врагами. По мнению тюрколога С.Г. Кляшторного, стелы Золотого озера были поставлены в честь первого кыргызского кагана Барс-бега, погибшего в 711 г. в битве с воинами Тюркского каганата (Klyashtornyj 1976, S. 258 – 267). Полагаем, что под «Золотой чернью Сонга» следует понимать нынешние сосновые боры долины р. Соос (данный топоним, возможно, является стяжательной формой от первоначального слова «сонга(с)» – Авт.).

Но в битве, о которой гласит эпитафия, погиб лишь правитель, но не Кыргызское государство. На смену павшему пришел новый правитель. Им, согласно источнику, стал потомок Барс-бега, племянник тюркского Бильге-кагана, которому удалось сохранить и самостоятельность Кыргызского государства и возобновить дипломатические связи с другими государствами. Согласно источнику, в 722 г. к Танскому двору (т.е. в Пекин – Авт.) «прибыл кыргызский тегин Исибо Шэючже Биши Сыгинь, а в 723 г. – тегин Цзюйли Пиньхэжун Сыгинь. Тому и другому, согласно источнику, «Сын Неба, т.е. китайский император – Авт.) пожаловал военные чины (Suponenko 1974, S. 241-242). Когда умер Кюль – Тегин, то для выражения соболезнования, в ставку умершего прибыл «от кыргызского хана – «Чур-Тардуш-Ынанчу»». Однако военная мощь кыргызов, по общему мнению исследователей, была к тому времени уже сильно подорвана. В силу этого, они, даже будучи самостоятельными, (вплоть до падения Второго Тюркского каганата, т.е. до 745 г. – Авт.), кыргызы, тем не менее, в битвах, имевших место в Центральной Азии, не участвовали.

Память о правителе Барс-беге сохранил и хакасский фольклор, ибо современные хакасы являются потомками енисейских кыргызов. Согласно их историческим преданиям, ставка князя находилась в Июсской степи. Несметные табуны Барс-бега, состоявшие из сказочных скакунов – «аранджула» пестро-барсовой масти паслись на степных просторах, окружавших озеро Белё. Во главе табуна всегда находился пестро-барсовый жеребец, служивший для животных «ызыхом», т.е. оберегом. Однажды, согласно легенде, пропал один из «ызыхов». На его поиски отправился сам Барс-бег. Перейдя Белый Июс, он обнаружил его на одной из горных вершин. Когда Барс-бег с найденным «ызыхом» собрался возвращаться домой, он услышал стук топоров. Приглядевшись, он разглядел среди деревьев двух лесорубов. Подъехав к ним он спросил, что они делают. Те ответили, что они готовят ему гроб. Это, как ему объяснили потом шаманы, были духи-хозяева священной горы «Ызых-таг». Но Барс-бег не поверил ответу лесорубов и решил проверить их слова. Сойдя с коня, он лег в приготовленный гроб, крышка которого тут же захлопнулась. С тех пор, гласит сказание, Барс-бег и остается в заточении на горе, которая и по сей день называется «Ызых-таг» (т.е. священная гора). Согласно легенде, Барс-бег восстанет из гроба в последний год мира. А восставши, он возродит былое могущество кыргызов. Словом, гибель своего древнего и славного правителя тюрки Хонгорая (т.е. нынешние хакасы, потомки енисейских кыргызов) связывают со сверхъестественными духами – хозяевами земли (Butanaev 2001, S. 62-63).

Заметный след в истории славных завоеваний первого Кыргызского каганата оставил и легендарный полководец Тириг-бег, имя которого стало ныне совсем неизвестным. О нем нам напоминает лишь поминальная стела, хранящаяся

сегодня в Хакасском краеведческом музее (в г.Абакане – Авт.). Этот седьмой памятник кыргызской письменности, был обнаружен учеными в бассейне р. Уйбат. Впервые перевод текста, имеющегося на стеле, был сделан одним из авторов настоящей статьи в 1973 г. Учитывая интерес тюркологов к нему, воспроизведем (построчно) содержание текста Уйбатской стелы:

Надпись на лицевой стороне стелы прочитана нами читается так:

«(1) [Доблестный] муж! Вы приобрели (много) принцесс, (но) не насладились княжеской властью, о бег!

(2) Тысяча печалей! Вы отделились (от нас), о горе! Сорок мужей-воинов Вы оставили (букв. «сделали») без отца!

(3) При взятии племенного союза Уч-курыкан Вы, Тириг-бег, (были) словно клыкастый вепрь!».

Текст эпитафии на оборотной стороне памятника звучит следующим образом:

«(4)... О – мой дикий барс, Тириг бег! Увы! моя мужская доблесть Вам (принадлежит)!

(5) он был послом [от моего эля] к бегу небесных тюрков.

(6) ...Я убивал [мужей-воинов], я убивал подразделения [многочисленной] стаи серых волков!» (Ocherki 2008, S. 621).

Приведенный выше текст эпитафии, запечатленный на стеле, являет собой, по нашему глубокому убеждению, обращение к преждевременно погибшему вождю Тириг-бегу от имени, оставшегося в живых наследника его боевой славы. Кстати, имена с обозначением слова – «Тириг», довольно часто упоминаются и в «енисейских текстах». Например – «Учин Кулюг Тириг» – Именитый Тириг, «Кулюг Тириг» – Удалой Тириг, «Кюни Тириг» – Ревнивый Тириг (Malov 1952, S. 17, 21, 80). В данном случае слово «тириг» (букв. живой) выступает в качестве личного имени героя и носит смысл «сильный», «совершенный», «могучий», «великий». Например, в хакасском языке: выражение «тириг соох» означает «сильный мороз», «тириг хоргыс» – «великий страх» и т.д. Исходя из сказанного, полагаем, что имя «Тириг-бег» следует понимать здесь, как «Великий князь».

Продолжая историческую интерпретацию, выделим несколько важных моментов. Эпитафия, которую мы прочли, безусловно, посвящена выдающийся личности – Тириг-бегу, тотемным животным которого являлся барс. В связи, с этим, можно утверждать, что в прочитанном нами тексте речь идет о кыргызском правителе, ибо барс, по свидетельству исследователей, всегда являлся «тотемом кыргызов» (Malov 1952, S. 39).

Не подлежит сомнению и то, что Тириг-бег стоял во главе гвардии из сорока мужей, для которых «ее начальник всегда являлся «отцом родным». Донес текст памятника до нас и отзвуки былой военной демократии, т.е. общественного строя кыргызов. В частности, Тириг-бег, исходя из текста эпитафии, принимал участие в боевом походе против курыканов, обитавших в Прибайкалье, которых он покорил в ходе битв. В древнетюркских памятниках при перечислении народов, окружавших кыргызов постоянно упоминаются «уч-курыканы», что может свидетельствовать об их соседстве с последними (Malov 1951, S. 36, 38).

Опираясь на свидетельства древнетюркских памятников, можно предположить, что Тириг-бег возглавлял посольство, направлявшееся к «кок-тюркам» (голубым тюркам) Тюркского каганата. В дальнейшем, его преемник хвастливо заявлял о своей победе над многочисленной «стаей серых волков», (т.е. над «кок-тюрками», традиционно выступавших под знаменами, с изображением головы волка.

Исходя из этих и других сведений, содержащихся в тексте эпитафии, можно предположить, что анализируемый памятник относится к первой половине VIII в. н.э., т.е. ко времени, когда между Тюркским каганатом и Кыргызским государством началось (после «длительного меж ними мира») военное противостояние. Если наше прочтение текста эпитафии верно, то захват кыргызами курыканов Прибайкалье произошел не в период их «великодержавия», как предполагали наши предшественники, а на столетие раньше, т.е. еще при первом кыргызском кагане – Барс-беге. Возможно, в то время и была вытеснена часть курыканов на север, что могло положить начало движению предков якутов в долину р. Лены. Курыканы, согласно имеющимся сведениям, подчинялись кыргызским правителям вплоть до монгольских завоеваний. Так, летопись монгольской династии Юань-ши гласит, что племена курыканов «подчиняются цзи-ли-цзы-сы (т.е. кыргызам), но их язык весьма отличался от языка последних» (Gogolev 1993, S. 44). Кстати, среди западных бурятов, живущих по Ангаре, до сих пор имеется род «хурхур», истоки которого восходят к этнониму «кыргыз» («кыргыт»), упоминаемый источниками со времен первого Кыргызского каганата.

Согласно им, кыргызский правитель Ажо объявил себя в 820 г. «каганом», а свою мать (тюркешскую принцессу – Авт.), «вдовствующей ханьшей». Титула «ханши» удостоилась и его жена – дочь карлукского ябгу – Авт.) (Bichurin 1950, S. 355). С наступлением эры второго Кыргызского каганата на историческую арену истории вышла целая плеяда выдающихся политических деятелей: в числе коих – правитель Ажо, получивший от Танского императора титул «Цзун-ин», Хюн-Ву, Чен-мин-кэхань, «наместник над уйгурами» Бойла Кутлуг Ярган, кыргызский посол Чжуву Хэсо и др.

Будучи на гребне своих военных успехов, кыргызский каган направил своему противнику – уйгурскому правителю послание, вызывавшее последнего на «решительное сражение». При этом, Ажо высокомерно заявлял сопернику, что он намерен «в очень скором времени захватить уйгурскую «золотую орду», поставить перед нею своего коня и водрузить там свое победное знамя. Последнее, будучи символом каганской власти, всегда красовалось (согласно сообщениям китайских источников), «перед входом в каганский шатер». Оставили нам древние (мусульманские авторы и сообщения о городе, в котором жил кыргызский каган. Согласно их утверждениям, он назывался «Кемиджкет», т.е. город на Енисее (Materialy po istorii kirgiz i Kirgizii 2002, S. 48). После разгрома уйгуров, Ажо, согласно источникам, перенес свою ставку на территорию Северо-Западной Монголии – на южную сторону гор Лао-Шань (которые больше известны исследователям под другим названием «Ду-мань» – Авт.). Эти горы, согласно танским хроникам, лежат «в 15 днях конной езды от прежнего хойхуского стойбища» (Bichurin 1950, S. 356). Исходя из этого сообщения полагаем, что кыргызский правитель разместил свою орду на южной стороне Танну-Ола, предположительно, у озера «Кыргыз-нур».

Среди исследователей вызывает интерес имя загадочного «народа аз», упоминания о котором неоднократно встречаются в древнетюркских письменных памятниках VIII в. н.э. (Butanaev 1998, S.102-104). Согласно утверждению тюрколога И.В. Кормушина, часть «азов» обитала «на южной стороне Западного Саяна. Но основная их масса «базировалась на севере от Саяна» на территории современной Хакасии, т.е. в непосредственной близости от кыргызов (Kormushin 1977, S. 12).

В 711 г., во время военного похода тюркского царевича Кюль-Тегина на кыргызов, в качестве проводника через Когменские горы (Западные Саяны –

Авт.) выступал человек «из земли степных азов». Но сам он утверждал, что его «родная земля – это Аз» («Аз йерим») (Malov 1951, S. 62, 67). Исходя из этого контекста становится ясным, что азы обитали не в таёжных массивах Западных Саян (Когмены), а, как явствует источник, в степных просторах Предсаянья, т.е. долине Абакана. Кстати, востоковед В. Бартольд не раз обращал внимание коллег на то, что вместе с кыргызами ему не раз встречалось упоминание о «народе аз». Во времена правления тюркского кагана Могиляна народы «(э)чики и кыргызы», обитавшие по соседству, но по разные стороны Когменских гор, были врагами «азов». Так, в памятнике Могиляна не раз упоминается о его битвах и победах сначала над «(э)чиками, а затем и над «азами» («аз будун»), которых, исходя из контекста, можно отождествить с кыргызами Енисея. В некоторых восточных сочинениях кыргызы обозначены даже этнонимом «ас» (Bartold 1963, S. 485.; Malov 1959, S. 20).

Правитель государства «Хягас – «Ажо» находился, согласно китайским хроникам, у Черных гор, к западу от р. Енисей (Гянь). По сведениям же памятников древнетюркской письменности, кыргызский хан проживал в Когменском краю («Когмен ичинте»). Под «Когменом» здесь подразумеваются не только Западные Саяны, но и их предгорья в долине Абакана. По всей видимости, указанные источники свидетельствуют об одной и той же ставке кыргызского государя, которая находилась на территории, где селились «азы».

Большой интерес представляют для нас сведения из текстов памятника, сооруженного в честь Кюль-Тегина, где конкретно говорится об «азском народе» («аз будун» кыргызского кагана Барс-бега) (Malov 1951, S. 38). Многие тюркологи, в т.ч. и сам С.Е. Малов, прочли выражение «аз будун» как «немногочисленный народ», оставив при этом в стороне этнический компонент. Вследствие этого и родилась, на наш взгляд, двусмысленность в данном переводе, обусловленная, на наш взгляд, с тем, что в тюркских языках слово «аз» имеет и значение – «малый, незначительный». В нашем случае следует обратить внимание на первоначальные прочтения этих строк, сделанные в свое время В. Радловым и Н. Козьминым. В частности, последний так читал эти строки: «Я устроил страну Аз-кыргызов» (Kozmin 1925, S. VIII).

Исходя из вышесказанного нами, сочетание «аз-кыргыз» нельзя читать как «немногочисленные кыргызы, поскольку в древнетюркских текстах довольно часто подчеркивается: «что наибольшим нашим врагом был кыргызский каган». Более того, китайские источники также подчеркивают, что «Цзянгунь [т.е. кыргызы – Авт.] – это сильное государство».

Следует также сказать, что в существующих памятниках кыргызской письменности выражение «народ аз» («аз будун») почти не встречается. Но в переводах В.Радлова есть упоминание о сочетании «ач будун» – народ «ач» (Malov 1952, S. 59). Не исключено, что сами кыргызы этноним «аз» произносили как «ач».

Так кто же эти загадочные «азы» или «ачы» в Кыргызском государстве? И почему их имя упоминается в тюркских надписях рядом с кыргызами?

Исходя из контекста памятника в честь Кюль-Тегина, можно предположить, что «азы» – это понятие, использовавшееся тогда для характеристики элиты кыргызского общества. Если наши предположения верны, то упоминающийся в источнике народ «аз» или «ач» следует отождествлять с царствующей фамилией Кыргызского каганата, которая фигурирует в китайских хрониках в форме «ажо» («ажэ»). В связи со сказанным, отметим, что памятники древнетюркской письменности, созданные в одно же время, с Танскими летописными упоминаниями

о стране «Хягас» и ее «правителях – Ажэ». Смеем предположить, что указанные китайские формы передали звучание тюркских этнонимов «кыргызов» «аз» («ач») указанным выше образом. Согласно китайским летописям, фамилия «Ажо» происходила из одного рода с царствующим в Китае домом «Тан», корни которого уходят к знаменитому полководцу Ли Лину. Следует так же сказать, что среди хакасских родов до сих пор есть сеок - род «ажыг», считающийся родственным сеоку «ызыр», отождествляющийся с потомками древних кыргызов (Butanaev 1994, S. 20-21). Вполне возможно, что сеок «ажыг» тоже исторически связан с древним народом «ач» и кыргызским правящим домом «Ажэ».

После победы над уйгурами, кыргызский каган предпринял попытку установить дипломатические отношения с империей Тан. Выражением своей лояльности к ней стала отправка в 841 году на родину китайской принцессы Тайхэ Гунчжу - дочери императора Сянь-Цзуна из династии Тан – бывшей женой уйгурского кагана. Знатная пленница была отправлена домой в сопровождении военного эскорта, во главе с генералом Дулюй Шихэ.

Словом, китайская принцесса стала в тот момент важным объектом дипломатической и военной борьбы. Конкретным же поводом для визита и отправки ее на родину, послужила, на наш взгляд, все же победа кыргызов над уйгурами и отдаленное родство первых с династией Тан, поскольку каганский род кыргызов вел свое происхождение, как было сказано выше, от ханьского полководца Ли Лина, попавшего в I в. до н.э. в плен к хуннам. В ответном письме кагану император Вуцзун выразил свое удовлетворение по поводу разгрома уйгуров кыргызами. «(Вы), – писал он, – накопили силы... и, воспользовавшись (неблагоприятным для уйгуров) случаем, поднялись и быстро получили удовлетворение за свои обиды... раскрыли (нам) сокровенные мысли. Поскольку (теперь) лагерь уйгуров покорен, горы и реки между нашими государствами больше не разделяют (нас) и коль скоро (мы) являемся соседями, то будем (надеяться) на получение дани и посланий от вас». В том же письме император провоцирует кыргызского кагана на полное истребление уйгуров: «Но (мы) все же боимся, что бежавшие снова принесут зло и захотят напасть на вашу границу и отомстить... Вы должны серьезно подготовиться... и уничтожить их с корнем, чтобы не испытывать последующих бедствий» (Materialy po istorii kyrgyzov i Kyrgyzstana 2003, S. 22). В апреле 843 г. на Енисей был послан китайский посланник Чжао Фань с письмом к кыргызскому кагану. «Я, – гласило оно, – прочитал грамоту и узнал, что хан родился в селении под созвездием Большой Медведицы (т.е. на севере), жил в холодных степях. (Ваша) мудрость и выдающиеся таланты, стремления,... полны блеска. (Ваша) мощь потрясает северные страны, (а Ваша) слава достигла Северных ворот нашей столицы». После этих лживых слов, снова следовали жалобы на уйгуров и призывы уничтожить их. «Уйгуры... бесчинствуют..., зверски обращаются со всеми (нашими) вассальными племенами...Если можно..., уничтожьте их государство... А войска у уйгуров – неполная тысяча человек, кои разбежались по горам и долинам. ... Коль скоро Вы, хан, питаете (к ним) ненависть, необходимо полностью уничтожить варваров. Если оставить пепел, то (он может породить) последующие бедствия» (Materialy po istorii kyrgyzov i Kyrgyzstana 2003, S. 23-25).

По приезду в июне 843 г. в Китай кыргызского посланника Бань Ухэ, кагану было отправлено новое письмо, в котором указывалось местопребывание уйгуров. Начиналось оно, традиционным восхвалением кагана. (Вы обладаете) «блестящими способностями, от рождения знаете героические планы. Когда хан вырос, он прославился силой, и, наконец, установил мир в северных странах, смел

с лица... уйгурские жилища». Далее в письме шли призывы к окончательному уничтожению уйгуров во всех районах их обитания : «Сейчас уйгурские племена еще не полностью истреблены, живут они между туфанами и китайцами» (Materialy po istorii kyrgyzov i Kyrgyzstana 2003, S. 26-27). Как явствует из письма, правитель последних вел речь идет об уйгурах Турфана, Ганьжоу, Хэлочуани и юго-западного Хингана. Настойчивые призывы «Сына Неба» сыграли свою роль: кыргызский каган согласился выступить против уйгуров. Об этом свидетельствует его «письмо к сяцзясам», отправленное в августе 843 г. Нельзя не сказать, что Танский двор стремился использовать военную мощь кыргызов не только против уйгуров, но и против других народов Центральной Азии, «неугодных китайцам».

Согласно источникам, к 843 году кыргызам подчинялась значительная часть Восточного Туркестана, а также татары, обитавшие в Восточной Монголии. В Уйбатской степи Хакасии сохранился один важный памятник рунической письменности: это выбитый на каменной плите кургана «Узун-обаа» надпись, считающейся ныне «девятой надписью с р.Уйбат». Она была переведена в свое время тюркологами И.Л. Кызласовым и С.Г. Кляшторным. Не возражая принципиально против их перевода, позволим себе предложить свой вариант прочтения Уйбатской надписи. Первая строка – «татар ыг эли» – «татарский плачущий народ»; вторая строка – «игечин берур» – «своих сестер отдает»; третья строка – «экимиз» – а наши младшие братья (получая в награду женщин; четвертая строка – «кулур» – радуются (этому) (Ocherki 2008, S. 156).

В древнетюркских надписях «татарами», как известно, обозначались монгольские племена. Например, в 750 г. уйгурский каган Моюн-чур двинул свое войско на восток, где «татар...призвал к ответу» (Malov 1959, S. 40). В китайской политической и исторической традиции, начиная с Сунского времени (X в.), также преобладало наименование монголов татарами («да-да»). После разгрома Уйгурского каганата и захвата территории Центральной Азии в 840 г. кыргызы столкнулись с монголоязычными татарами. Вероятно в период своего «великодержавия» кыргызы, разгромив враждебных им татар, взяли в качестве трофеев и их женщин, особенно тех, чьи мужья пали в бою. В соответствии с обычаем, татарские рабыни стали достоянием кыргызских мужчин. Вероятно, это знаменательное событие и отразила девятая Уйбатская надпись.

В IX в. между Кыргызским каганатом и империей Тан устанавливаются, согласно источникам, регулярные посольские связи. Одним из свидетельств высокого их уровня является - мраморная табличка с китайскими надписями (она была найдена в окрестностях д. Райково Усть-Абаканского района Хакасии – Авт.). Согласно свидетельству японского исследователя Тэцу Мацумото, такие таблички с иероглифическими текстами являлись частью заупокойного подношения умершим императорам или членам их семей из династий Тан (Macumoto 1996. S. 213). На них в стихотворной форме восхвалялись деяния умершего. В силу этого, табличкам был присущ большой и связный текст. Они укладывались, как правило, в специальный ящик и помещались в могиле умершего. По утверждению Мацумото, одна надпись могла быть нанесена на 50 и более табличек. Кстати, в д. Райково было найдено 5 табличек. Приведем тексты, имевшиеся на них:

Табличка № 6640/1 – «как по названию, так и в действительности, пусть все будет блестящим светом»;

№ 6640/2 – «накладывая дань (на кого-нибудь), здесь управляем твоей границей и защищаем ее дым»;

№ 6640/3 – «вот седьмой год Хиантон Великой династии Тан»;

№ 6640/4 – «с благодеянием и искренностью пришел, чувствуя нежность, забываясь, не могу (или не можем) не»;

№ 6640/5 – «(самоотверженно), преподносили тебе свою красоту правдивости, как говорят в свете» (Masumoto 1996, S. 209).

Отметим, что переведенные тексты имеют: важную для нас дату – 866 г., а также упоминания о взимании дани, о границе, и несколько фраз, восхваляющих неназванный персонаж. Т. Мацумото предположил, что эти таблички могли принадлежать китайскому губернатору – «дуду», представителю среди кыргызов высших слоев китайского общества. Но с таким предположением, вряд ли можно согласиться, поскольку, в середине IX в. Кыргызский каганат находился на вершине своего могущества. Под властью его каганов находилась почти вся Центральная Азия, а танский император в своих посланиях неизменно восхвалял силу и могущество кыргызов и искал союза с ними. Поэтому вряд ли он мог послать китайского чиновника (тем более – члена императорской фамилии) в Минусинскую котловину, чтобы управлять там. Если бы такой человек прибыл на Енисей, а потом умер там, то его тело, конечно же, не стали бы хоронить на чужбине. Труп умершего (согласно традиции) должны были доставить на родину и там похоронить. Вероятнее всего, эти таблички были адресованы кыргызскому кагану. Кстати, согласно источникам, в 866 году умер кыргызский каган, получивший от танского императора китайский титул «Ин-ву Чен-мин-хан». Возможно ему, как своему отдаленному родственнику, и адресовал танский император в качестве прощального дара на траурной церемонии ящик с табличками «ай-сэ», в которых восхвалялись достоинства кагана, оказав, таким образом, покойному «высокую честь». В связи с этим, следует отметить, что при китайском императорском дворе была когорта высших сановников, заинтересованная в военном союзе с Кыргызским каганатом. По свидетельству, новосибирского археолога Ю.С. Худякова, «райковские таблички «ай-сэ» были изготовлены из саянского мрамора (Hudyakov 1996, S. 241). Если это так, то в составе танского посольства, прибывшего на траурную церемонию, должны были быть не только чиновники, но и мастера-камнерезы, способные выполнить необходимую работу на месте. Отметим в связи со сказанным, что подобным образом снарядил Императорский двор свои посольства на похороны тюркского принца Кюль-Тегина и тюркского кагана Бильге. Выполняя поручение «Сына Неба», в Кыргызы» были направлены скульпторы, с повелением «иссечь надпись на каменном памятнике, построить храм и поставить статую умершего и указать на всех четырех стенах храма виды сражений, проведенных покойным. Приказано было также отправить на места тризн и шесть превосходных художников, «чтобы расписать все», чего в «Тукюесском государстве еще никогда не бывало» (Bichurin 1950, S. 277). Надо полагать, что в составе посольства, прибывшего в 866 году из Китая на похороны кагана кыргызов, были также и специалисты, призванные изготовить и погребальный дар, чего в Кыргызском государстве тоже «еще никогда не бывало». Таким образом, правивший тогда китайский император Ицзун (860-694 гг. н.э.) преподнес, похоже, умершему в 866 году кыргызскому кагану, носившему титул «Инву Ченмин-хан», погребальный дар – набор мраморных табличек, на которых были описаны заслуги этого кагана, считавшегося родственником династии Тан.

Ко времени «кыргызского великодержавия» относится и уникальный кыргызский документ, более известный исследователям как «Суджинская надпись», обнаруженная в 1900 г. на территории Монголии Рамstedтом. Согласно прочтению тюрколога С.Г. Кляшторного, ее текст гласил: «Я изгнал Яглакарских

ханов из Уйгурской страны. Я сын кыргызский – Бойла Кутлуг Ярган. Я – приказной (буюрук) правителя Кутлуг Бага Таркана.

Молва обо мне достигла (стран) Восхода и Заката. Я был богат: у меня было десять аилов, мои кони неисчислимы. Я имел семь младших братьев, троих сыновей, троих дочерей.

Своих сыновей я женил, своих дочерей выдал замуж без выкупа. Своему наставнику (в вере) я дал сто гнедых коней. Я увидел детей моих детей и сыновей. Теперь я умер, и (их) покинул! Сыновья мои! Будьте среди людей подобно моему наставнику! Служите хану! Будьте мужественны!

Мой старший сын неожиданно ушел. Его я не увидел (перед смертью). Мой сын, мой лев!» (Klyashtornyj 1991, S. 57-59).

Суджинская надпись, справедливо отмечал в свое время С.Г. Кляшторный, являет собой уникальный памятник эпохи «расширения власти кыргызов на значительную часть Центральной Азии. Она отразила и устройство Кыргызского государства, его стремление к новой политике (имперской) в области идеологии. Наряду с этим, данный памятник отразил и события, связанные с разгромом уйгуров и созданием каганата. Как явствует источник, Бойла Кутлуг Ярган был участником того, победного похода кыргызов на уйгуров, свидетелем краха династии «яглакар».

Согласно источнику, в марте 843 г. в Китай прибыл кыргызский посланник Чжуву Хэсо с письмом от кыргызского кагана. Император Вуцзун, «вступивший на престол в 841 году, очень обрадовался приезду посланника, причем с данью из столь далекой страны. Охваченный эмоциями, он даже поставил Чжуву Хэсо выше «посланника королевства Бохай» (Bichurin 1950, S. 356). Кстати, имя кыргызского посланника, можно, на наш взгляд, отождествить с мифическим героем Хан-Солагай, почитаемым среди тюрков Хонгорая. Согласно хакасскому фольклору он выступает как сын китайского императора и является великим предком рода «кыргыз». Одновременно, он является и духом – покровителем священных «коней-ызыхов» рыжей масти – кыргызского фетиша «ах-тёсь». В молитвах, обращенных к нему, неизменно подчеркивалось и подчеркивается, что меткий стрелок Солагай хан – это человек, «произошедший от Китайского хана и прибывший к людям со стороны именитой Тувы, переваливший по пути Саянские хребты» (Butanaev 2006, S. 197).

Великий предок Хан-Солагай, говорит предание, был искусным стрелком «с левой руки». Посылаемые им стрелы не знали промаха. Исходя из сказанного, можно предположить, что имя духа-предка рода кыргыз Хан-Солагай (букв. Царь-Левша) исторически связано с именем знаменитого посла Кыргызского каганата - Чжуву Хэ-Со, которого в 843 году правитель Ажо отправил в Китай «с великой миссией». «Чжуву, похоже, – это прозвание, «Хэ» – значит отважный, «Со» – левый, т.е. Искусный Стрелок слевой руки». Всё сказанное – это сообщения китайских источников о великом после из ханского рода (Bichurin 1950, S. 356). В таком случае, если мифический Хан-Солагай и Чжуву-Хэ-Со - имена одного и того же исторического лица, то кыргызский род в Хакасии несомненно связан с наследниками ханов Кыргызского государства, имевшими родство с китайскими императорами династии Тан (через известного, как уже упоминалось выше, полководца Ли-Лина).

Согласно данным С.Г. Кляшторного в Северо – Западной Монголии, есть памятник кыргызского письма с именем «Тюпеш Алп-Сол» (букв. «богатырь» – левый). Сергей Григорьевич отождествлял героя этой надписи с Чжуву Хэ-Со. Такая тюркская форма имени исторической личности взята на «вооружение

историками Кыргызстана (Kyrgyz taryhy, S.108).

Длительные войны, имевшие место в интересующем нас регионе, привели к закономерному результату: значительному сокращению и распылению кыргызского населения на огромной территории одноименного каганата. Эти обстоятельства, что вполне закономерно, подорвали военные силы кыргызов, что существенно ограничило их возможности в деле удержания под своей властью завоеванных ими племен и народов, которые относились к разным культурно-хозяйственным типам. Ослабление же военной мощи кыргызов стало главной причиной «заката» периода «кыргызского великодержавия», поскольку кыргызы не смогли в сложившейся ситуации противостоять усилившейся Киданьской империи, которая и подчинила себе в X в. всю Центральную Азию.

Словом, «Звездный час кыргызской истории» – период великодержавия – оказался по свидетельствам исторических источников совсем недолгим – всего около 80 лет. После распада своего каганата кыргызский этнос оказался разделенным киданьским вторжением. Так, часть енисейских кыргызов сумела сохранить за собой Саяно-Алтай. Другая же их часть была оттеснена в начале II тыс. н.э. монголоязычными племенами в Восточный Туркестан и стала соседствовать, согласно мусульманским источникам X века, с токуз-гузами (уйгурами), карлуками, чигилями, составив в дальнейшем основу современного кыргызского народа на Тянь-Шане.

Әдебиеттер тізімі/ Список литературы

1. Бартольд В.В. Киргизы. Исторический очерк // Сочинения. – Т.2. – Ч.1. – М., 1963. – С. 473-543.
2. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Т. 1. – М. – Л., 1950.
3. Бутанаев В.Я. Загадочный народ «Аз» из Когменской страны // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1998. – С.102-104.
4. Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Хакасский исторический фольклор. – Абакан, 2001.
5. Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – Абакан, 2003.
6. Бутанаев В.Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. – Абакан, 2006.
7. Гоголев А.И. Якуты (проблемы этнографии и формирования культуры). – Якутск, 1993.
8. Кляшторный С.Г. Стелы Золотого озера (к датировке енисейских рунических памятников) // Тигрология. К 70-летию акад. А.Н. Кононова. – Л., 1976. – С. 258-267.
9. Кляшторный С.Г. Суджинская надпись – уникальный памятник эпохи «кыргызского великодержавия» // Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии. Бишкек, 1991. – С. 57-59.
10. Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпиграфы. Тексты и исследования. – М., 1977.
11. Кыргыз тарыхы. Энциклопедия. – Бишкек, 2003.
12. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М., 1961.
13. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.-Л., 1951.
14. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. – М.-Л., 1952.
15. Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров IX-XII вв. – Новосибирск, 1974.
16. Малявкин А.Г. Китай и уйгуры в 840-848 гг. // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. – Новосибирск, 1975.
17. Материалы по истории киргиз и Киргизии (второе издание). – Т.1. – Бишкек, 2002.
18. Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана. (Извлечения из китайских источников II в. до н.э. – XVII в.). – Т.2. Бишкек, 2003.
19. Мацумото Ц. О фрагментах мраморных табличек с иероглифами, найденных в окрестностях города Абакана в Южной Сибири. // Археология, антропология и этнография Сибири. – Барнаул, 1996.
20. Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности). – Абакан, 2008.
21. Супруненко Г.П. Некоторые источники по древней истории кыргызов // История и культура Китая. М., 1974. – С. 240-242.

22. Худяков Ю.С. Из истории дипломатической практики государства кыргызов на Енисее (в связи с находкой мраморных табличек у с. Райково // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. – Новосибирск, 1996.

Refereneces

- Bartold 1963 – Bartold, VV 1963, Kirgizy. Istoricheskij ocherk, *Sochineniya*, T.2, Ch.1., Moskva, S. 473 – 543. (in Rus).
- Bichurin 1950 – Bichurin, NYa 1950, *Sobranie svedenij o narodah, obitavshih v Srednej Azii v drevnie vremena*, T. 1., Moskva – Leningrad. (in Rus).
- Butanaev 1998 – Butanaev, VYa 1998, *Zagadochnyj narod «Az» iz Kogmenskoj strany, Etnicheskaya istoriya tyurkskih narodov Sibiri i sopredelnyh territorij*, Omsk, S.102-104. (in Rus).
- Butanaev, Butanaeva 2001 – Butanaev, VYa, Butanaeva, II 2001, *Hakasskij istoricheskij folklor*, Abakan. (in Rus).
- Butanaev 2003 – Butanaev, VYa 2003, *Burhanizm tyurkov Sayano-Altaya*, Abakan. (in Rus).
- Butanaev 2006 – Butanaev, VYa 2006, *Tradicionnyj shamanizm Hongoraya*, Abakan. (in Rus).
- Gogolev 1993 – Gogolev, AI 1993, *Yakuty (problemy etnografii i formirovaniya kultury)*, Yakutsk. (in Rus).
- Hudyakov 1996 – Hudyakov, YuS 1996, *Iz istorii diplomacheskoy praktiki gosudarstva kyrgyzov na Enisee (v svyazi s nahodkoj mramornyh tablichek u s. Rajkovo, Novejshie arheologicheskie i etnograficheskie otkrytiya v Sibiri.* – Novosibirsk, 1996. (in Rus).
- Klyashtornyj 1976 – Klyashtornyj, SG 1976, *Stely Zolotogo ozera (k datirovke enisejskih runicheskikh pamyatnikov)* // *Turcologica*. K 70- letiyu akad. A.N. Kononova. – L., 1976. – S. 258-267. (in Rus).
- Klyashtornyj 1991 – Klyashtornyj, SG 1991, *Sudzhinskaya nadpis – unikalnyj pamyatnik epohi «kyrgyzskogo velikoderzhaviya» // Istochniki po srednevekovoj istorii Kyrgyzstana i sopredelnyh oblastej Srednej i Centralnoj Azii.* – Bishkek, 1991. – S. 57-59. (in Rus).
- Kormushin 1977 – Kormushin, IV 1977, *Tyurkskie enisejskie epitafii. Teksty i issledovaniya.* – M., 1977.
- Kyrgyz taryhy 2003 – Kyrgyz taryhy. *Enciklopediya.* – Bishkek, 2003. (in Rus).
- Kyuner 1961 – Kyuner, NV 1961, *Kitajskie izvestiya o narodah Yuzhnoj Sibiri, Centralnoj Azii i Dalnego Vostoka.* – M., 1961. (in Rus).
- Malov 1951 – Malov, SE 1951, *Pamyatniki drevnetyurkskoj pismennosti.* – M.-L., 1951. (in Rus).
- Malov 1952 – Malov, SE 1952, *Enisejskaya pismennost tyurkov.* – M.-L., 1952. (in Rus).
- Malyavkin 1974 – Malyavkin, AG 1974, *Materialy po istorii ujgurov IH – III vv.* – Novosibirsk, 1974. (in Rus).
- Malyavkin 1975 – Malyavkin, AG 1975, *Kitaj i ujgury v 840-848 gg, Sibir, Centralnaya i Vostochnaya Aziya v srednie veka*, Novosibirsk. (in Rus).
- Materialy po istorii kirgiz i Kirgizii 2002 – *Materialy po istorii kirgiz i Kirgizii* 2002, T.1, Bishkek. (in Rus).
- Materialy po istorii kyrgyzov i Kyrgyzstana 2003 – *Materialy po istorii kyrgyzov i Kyrgyzstana. (Iz vlecheniya iz kitajskih istochnikov II v. do n.e. – XVII v.)*, T.2., Bishkek. (in Rus).
- Macumoto 1996 – Macumoto, C 1996, *O fragmentah mramornyh tablichek s ieroglifami, najdennyh v okrestnostyah goroda Abakana v Yuzhnoj Sibiri, Arheologiya, antropologiya i etnografiya Sibiri*, Barnaul. (in Rus).
- Ocherki 2008 – *Ocherki istorii Hakasii (s drevnejshih vremen dog sovrnemennosti)* 2008, Abakan. (in Rus).
- Suprunenko 1974 – Suprunenko, GP 1974, *Nekotorye istochniki po drevnej istorii kyrgyzov, Istoriya i kultura Kitaya*, Moskva, S. 240-242. (in Rus).

Кыргыз қағанаты, оның алғашқы басқарушылары және олардың әрекеті

Бутанаев Виктор Яковлевич

тарих ғылымдарының докторы, Н.Ф. Катанов атындағы Хакасс мемлекеттік университетінің профессоры. 655000 Ресей Федерациясы, Хакассия Республикасы, Абакан қ., Ленин к-сі, 90. E-mail: mns@gasu.ru

Модоров Николай Семенович

тарих ғылымдарының докторы, профессор, Таулы Алтай мемлекеттік университеті мен Батыс Моңғолия шектес өңірінің, Оңтүстік Сібірдің байырғы халықтарының тарихы мен мәдениетін кешенді оқыту бойынша ғылыми лаборатория меңгерушісі. 649000 Ресей Федерациясы, Таулы-Алтай қ., E-mail: mns@gasu.ru

Түйін. Қырғыз қағанаты мен оның Орталық Азия тарихында алатын орны жайлы мәселе әлі күнге дейін даулы болып табылады. Мақала авторлары алғаш рет «Ұлы держава» кезіндегі Қырғыз мемлекеті тарихындағы шынайы саяси қайраткерлерді, олардың баға жетпес қызметтерін қарастырады.

Авторлар аса танымал емес дереккөздерді қарастыра келе, атақты полк басшысы Тириг-бектің, қытай жылнамаларында кездесетін Чжуву Хэсоның прототипі ретінде танылған фольклор кейіпкері Хан-Солақайдың есімдерін ашады. Қырғыз қоғамында туылған ұлы тұлғалардың арқасында Қырғыз қағанаты сонау Тянь-Шанға дейінгі алқапты жайлап жатқан ұлы державаға айналады.

Түйін сөздер: қырғыздар; ұйғырлар; құрықандар; аздар; Қырғыз қағанаты; Көгмен таулары; Барыс-бек; Тириг-бек; Ажо; Бойла Құтлұғ Ярган; Чжуву Хэсо (хан Солақай).

Kyrgyz Khanate, the first of its rulers and their activities

Butanaev Victor Yakovlevich

Doctor of Historical Sciences, Professor of N.F. Katanov Khakas State University. 655000, Republic of Khakassia, Abakan, Lenin str., 90-1. E-mail: mns@gasu.ru

Modorov Nikolai Semyonovich

Doctor of Historical Sciences, professor, Head of Research laboratory for integrated study of the history and culture of local peoples of South Siberia, Western Mongolia and adjacent regions, Gorno-Altai State University. 649000, 1, Lenin str., Gorno-Altai, Russia. E-mail: mns@gasu.ru

Abstract. The issues about the Kyrgyz Kaganate and its role in the history of Central Asia are still debatable. In this article, the authors consider for the first time real political figures in the history of the Kyrgyz state of the «great power» time and their invaluable contributions. The authors reveal little-known sources, through which appear the names of the issuing commander Tirig-beg and folk hero Khan Solagay identified with the prototype that was recorded in the Chinese annals as Chzhuvu Heso. Due to the great personalities born in the Kyrgyz society, Kyrgyz Khanate became a powerful state, which was able to expand its holdings up to the Tien Shan.

Keywords: Kyrgyz; Uighurs; Kurykans; azs; Kyrgyz Khanate; Kogmen mountains; Bars-beg; Tirig-beg; Azho; Boyle Qutlugh Yargan; Chzhuvu Heso (Khan Solagay).